

вооруженной конницы. Искусство этой блестящей эпохи в истории Средней Азии сохраняет старую реалистическую позицию. Оно лишь укрепляется внедрением эллинистических форм и получает своеобразный колорит от знакомства с искусством Индии. Памятником этого искусства является знаменитый Айратамский фриз с изображением музыкантов, найденный близ гор. Термеза.

Времени перед арабским завоеванием посвящена последняя глава. Здесь интересно показана новая тенденция в общественном развитии Средней Азии — начало феодализации, поддержанной политикой тюрок в VI веке. В это время в Средней Азии закладываются основы местной учености, которая в IX, X и XI веках дала таких крупнейших исследователей, как математик Мухаммед Ибн Муса ал-Харезми и астроном-географ и историк ал-Бируни.

Подводя итоги, С. П. Толстов указывает на значение древней культуры Узбекистана для развития мировой культуры. Ее достижения в области наук, техники, военного дела и искусства были восприняты как на Западе, так и на Дальнем Востоке. Эти достижения вошли в современную узбекскую национальную культуру и вместе с нею составляют блестящий вклад в сокровищницу культуры нашей великой Родины.

Таково содержание увлекательно написанной книжки Толстова. Она читается с большим интересом, хотя и требует некоторой подготовки. Было бы вполне рационально издать ее большим тиражом, чем это сделано в Ташкенте. При переиздании, может быть, следовало бы несколько более четко определить характерные особенности общественных отношений в Средней Азии накануне и особенно после македонского завоевания. Пока мы об этом только догадываемся по упоминанию о рабах общин Авесты (стр. 10) и по указанию на «эфталитскую реставрацию», которая «заставила начавшийся феодальный распад, вдохнула новые силы в умирающее рабовладельческое общество» (стр. 29).

С. Киселев

Акад. В. В. СТРУВЕ. История древнего Востока, М., 1941.

«История древнего Востока», написанная акад. В. В. Струве при участии коллектива специалистов, представляет собой значительно переработанное издание книги, вышедшей под таким же заглавием в 1936 г. По сравнению с предшествующим изданием настоящий труд акад. В. В. Струве означает серьезный шаг вперед, отражая успехи нашей исторической науки, достигнутые благодаря руководящим указаниям партии и правительства, в первую очередь благодаря гениальной работе товарища Сталина «О диалектическом и историческом материализме».

В новом издании книги акад. В. В. Струве устранен ряд имевшихся в первом издании принципиальных и фактических ошибок, отмеченных в свое время критикой. До выхода в свет книга акад. В. В. Струве подвергалась неоднократному обсуждению в Отделении истории и философии Академии Наук СССР, и был получен ряд отзывов отдельных специалистов, замечания которых были учтены редакцией.

И с точки зрения методической рецензируемое издание значительно лучше предыдущего. Изложение — популярное, местами достаточно живое. Подробная рубрикация должна облегчить учащимся усвоение обильного материала. К книге приложены десять географических карт, хронологическая таблица, библиография, указатель.

Очень важно, что в данном издании в историю древнего Востока включены также Индия и Китай, которым посвящены обширные главы. В книге использован или, по крайней мере, отмечен новейший археологический и документальный материал.

В основу изложения истории древнего Востока в книге акад. В. В. Струве положено марксистско-ленинское учение об общественно-экономических формациях. Заслуга акад. Струве в том, что он отбросил антинаучные теории об «азиатской формации» и о «восточном феодализме» и рассматривает страны древнего Востока как страны рабовладельческие. Благодаря этому история древнего Востока превращается из случайного сцепления фактов, каким она является в трудах буржуазных ученых, в осмы-

сленный, закономерный исторический процесс, ключ к пониманию которого лежит в экономике общества.

Основные принципы построения истории древнего Востока изложены в вводной главе книги акад. Струве. Автор вполне правильно счел необходимым отметить специфические черты экономики стран древнего Востока, заставляющие выделить историю Востока в отдельную дисциплину, изучать ее отдельно от истории Греции и Рима. «Отсутствие частной земельной собственности, сохранение общинных форм собственности, деспотическая власть царя, — все это придает древневосточным обществам застойный характер развития. Они отрываются от основ первобытно-общинного строя чрезвычайно медленно, лишь постепенно переходя к рабовладельческому способу производства» (стр. 7). Однако к этой правильной формулировке автор делает ряд оговорок (стр. 6) и утверждает, что неправильно было бы подчеркивать «абсолютное» отличие древневосточных стран от Греции и Рима. Эта сдержанность и некоторая непоследовательность автора сказываются в дальнейшем изложении истории отдельных стран, особенно древнейшего периода. Конечно, автор прав в том смысле, что древневосточные и античные общества относятся к одной и той же социально-экономической формации — рабовладельческой. Но внутри этой формации различия между Востоком и античностью настолько существенны, что Маркс и Энгельс постоянно различают «азиатскую» и «античную» древность. С особенной полнотой и глубиной эти различия вскрыты в работе Маркса «Формы, предшествующие капиталистическому производству».

Для Востока, в отличие от античности, типично отсутствие частной собственности на землю. Верховным собственником земли представляется общество в целом, воплощенное в лице деспота или бога (жрецов). Земледелец лишь *владеет* землей и обязан за это данью деспоту и работой «на дом царя» или храма. Преобладание общинной земельной собственности наложило свой отпечаток на все стороны экономической, политической и духовной жизни стран Востока, препятствуя, в частности, переходу от натурального хозяйства к товарному. «При древнеазиатских, античных и т. д. способах производства превращение продукта в товар, а следовательно, и бытие людей как товаропроизводителей играют подчиненную роль, которая, однако, становится тем значительнее, чем далее зашел упадок общинного уклада жизни»¹. На Востоке общинный уклад жизни оказался очень устойчивым. Поэтому здесь не удается преодолеть натуральный характер хозяйства, и рабство остается, таким образом, преимущественно домашним. Правильность этого положения не умаляется тем, что, несмотря на застойность общины, рабство и на Востоке перерастало — медленно и с трудом — в трудовое рабство. В Нововавилонском царстве, в поздней Ассирии, в Финикии, отчасти в Палестине рабство становится основой хозяйства. Но это было конечным результатом тысячелетней истории, итогом длительного процесса, совершающегося, по выражению автора, с «чрезвычайной медленностью».

В книге акад. Струве не раз отмечается процесс медленного разложения общины, выделение частной собственности, соответствующие классовые перегруппировки, усиление роли рабства. Это как раз наиболее ценные мысли и наблюдения автора, позволяющие понять экономическую основу истории древнего Востока. Поэтому недоразумением представляется изображение Шумера в IV тысячелетии как уже законченного рабовладельческого общества (стр. 66—69). Из замечаний на стр. 68—69 можно заключить, что автор относит и культуру Обид и культуру Джемдет-Наср к периоду существования классового общества и государства. Между тем в главе V обе эти культуры правильно отнесены к эпохе первобытно-общинного строя. Было бы гораздо последовательнее и осторожнее, если бы автор рассматривал период до возникновения Аккада как период, когда переход к рабовладельческому способу производства далеко еще не завершен, а государство еще только в процессе становления. Борьба городов Шумера за преобладание, как и соперничество между номами Египта в период архаики, скорее всего выражают лишь попытки создания государства — попытки, сопровождающиеся борьбой народа против родовой аристократии. Это мы видим

¹ К. Маркс, Капитал, т. I, 1937, стр. 89.

в реформе Урукагины, это можно проследить по книге Судей и Самуила в истории Ираиля. Было бы желательно, чтобы для следующего издания своего курса акад. Струве специально исследовал вопрос о времени появления публичной власти на Востоке, о характере древнейших шумерских городов.

Автор во всем изложении подчеркивает наличие на Востоке двух антагонистических классов — рабовладельцев и рабов. Это правильно, поскольку ведущим на Востоке был рабовладельческий уклад; именно он укреплялся и развивался, тогда как общинный уклад, хотя и медленно, приходил в упадок. Но мы обеднили бы историю древности, если бы ограничились изложением истории борьбы между рабовладельцами и рабами. Ведь даже «в древнем Риме классовая борьба происходила лишь внутри привилегированного меньшинства, между свободными богачами и свободными бедняками, между тем как огромная производительная масса населения, рабы, служила лишь пассивным пьедесталом для борцов»¹.

В отличие от издания 1936 г., в рецензируемой книге автор отмечает, что «основную массу непосредственных производителей составляли крестьяне» (стр. 101), что в Вавилонии при Хаммурапи «ведущей силой... продолжала быть масса рядовых свободных» (стр. 603). Остается пожелать, чтобы в последующих изданиях В. В. Струве, насколько позволяют источники, полнее осветил положение эксплуатируемых народных масс. Статьи на эту тему Н. М. Никольского показывают, что в этом направлении исследование может быть плодотворным.

Не совсем удачна формулировка на стр. 90, где утверждается, что к концу III династии Ура (конец III тысячелетия) «уже» возникает долговое рабство, как симптом распада общественных отношений, сложившихся в Двуречье. Поскольку автор считает общество Двуречья в III тысячелетии законченным рабовладельческим, можно подумать, что долговое рабство — явление позднее, разлагающее рабовладельческий строй общества. В действительности же долговое рабство — признак *незрелости* рабовладельческого общества. Оно существовало на ранней стадии также в античных обществах. Только в период между Солоном и Клисфеном афиняне «вместо того чтобы по-старому жестоком образом эксплуатировать собственных сограждан, стали теперь эксплуатировать преимущественно рабов и покупателей не-афинян»². В Афинах долговое рабство было отменено в процессе образования рабовладельческого общества, в Риме — еще в IV веке до н. э. В результате сложилась рабовладельческая демократия — господство рабовладельческого класса *в целом*. Если на Востоке долговое рабство сохранилось не только в III, но и во II и в I тысячелетиях, то это — лишнее свидетельство *примитивности* классового общества, где сохраняется старая форма эксплуатации свободных, вплоть до порабощения. Долговое рабство, следовательно, не разлагает сформировавшееся уже рабовладельческое общество, а лишь мешает окончательной победе рабовладельческого строя, который еще только складывается.

Интересен анализ кодекса Хаммурапи (стр. 93—103), который расценивается как прогрессивное явление. Вообще самый факт кодификации права, ограничивающей произвол господствующего класса, является уступкой требованиям народных масс. Таковы «Книга завета», «Второзаконие», Законы XII таблиц и др. Классовое по существу законодательство Хаммурапи отражает рост вавилонского общества, хотя и содержит много архаических черт, и неудивительно, что оно послужило образцом для позднейших кодексов у других народов.

Много места в книге акад. Струве занимает торговля. Здесь тоже требуется еще серьезное исследование. Мы применяем термин «торговля» к древности, не анализируя реального содержания этого понятия в то время. Необходимо иметь в виду, что на древнем Востоке, вследствие натурального характера хозяйства, существовало некое «нерасчлененное единство города и деревни» (Маркс), ремесло не отделилось экономически от земледелия. Города были резиденциями царей, религиозными центрами, местопребыванием государственного аппарата; сюда поступала дань, из которой

¹ М а р к с. Предисловие к «18 Брюмера», Избр. произв., т. II, М., 1940, стр. 250.

² М а р к с и Э н г е л ь с. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 95.

цари и храмы накапливали свои сокровища. Экономически главенствующей роли города, как правило (за исключением таких, как Вавилон, Дамаск или Тир), не играли. Этим объясняется легкость, с которой ассирийские, египетские, персидские цари переносили свои столицы из одного места в другое. При таком положении вещей главным владельцем прибавочного продукта выступал деспот или храм (жречество). Поэтому торговля на древнем Востоке не разлагала старого способа производства или, самое большее, вела «к превращению патриархальной системы рабства, рассчитанной на производство непосредственных средств существования, в рабовладельческую систему, целью которой является производство прибавочной стоимости»¹. Этот результат был достигнут в некоторых странах Востока лишь к концу древнего периода. Типичной же для Востока является посредническая торговля. Основными поставщиками товаров, «представителями потребляющего богатства» (Маркс), выступают цари или жречество, действующие в Вавилоне через тамкаров, в Египте — через специальных послов или агентов. Прimitивный характер торговли сделал возможным и даже необходимым существование торгового народа финикийцев; их торговля основывалась на варварстве производящих народов, на примитивности производства и зачаточном состоянии товарности хозяйства. Было бы, поэтому, правильно не преувеличивать значения торговли на древнем Востоке (например, торговли Аккада, стр. 87, Египта Ср. царства, стр. 160). Знаменательно, что лишь к концу истории древнего Востока появляется монета; в течение многих столетий средством обмена и мерой ценности были зерно (скот) и весовое серебро.

Много внимания уделено в книге истории культуры, особенно литературы, которая излагается подробно и тщательно.

Жаль, что в изложении религии автор ограничивается по преимуществу описанием пантеона и пересказом мифов. Ведь, «раз возникнув, религия всегда сохраняет известный запас представлений, унаследованный от прежних времен, так как во всех вообще областях идеологии традиция является великой консервативной силой. Но изменения, происходящие в этом запасе представлений, определяются классовыми, т. е. экономическими, отношениями людей, делающих эти изменения»². Вот эти изменения должны интересовать историка в первую очередь. Религии Вавилона, Египта, древних евреев как раз дают прекрасный материал, показывающий, как в результате возникновения и усиления классового гнета боги, по выражению Энгельса, приобретают «общественные атрибуты, становятся представителями исторических сил; как религия, сохраняя много архаических черт, начинает отражать гнетущие общественные силы, освящает эксплуататорский строй общества, обожествляет царскую власть. Надо надеяться, что в следующем издании этот пробел будет восполнен. Необходимо будет также резко подчеркнуть и ярче показать экономическую и политическую роль жречества. Теократический элемент в политическом строе — одна из закономерных специфических особенностей стран древнего Востока.

Было бы интересно, если бы автор остановился также на причинах возникновения великих держав на Востоке. Непрерывная смена этих держав — ассирийской, нововавилонской, персидской, македонской — заставляет думать, что мы здесь имеем дело со стихийным стремлением расширить экономическую базу общества. Поскольку рабство и общинный быт ставят ограниченный предел росту производительных сил, выход мог быть только в расширении территории. Конечно, древневосточные «мировые» державы были обречены на гибель; ведь это были «случайные и мало связанные конгломераты групп, распадавшиеся и объединявшиеся в зависимости от успехов или поражений того или иного завоевателя»³. Но они подтачивали и разрушали старый жизненный уклад. Введение в Передней Азии единого языка (арамейского) и письменности, единой системы мер и весов, единой монеты, культурное сближение разноплемен-

¹ Маркс, Капитал, т. III, 1936, стр. 298.

² Ф. Энгельс, Людвиг Фейербах. Маркс, Избр. произв., т. I, М., 1940, стр. 424.

³ Сталин, Марксизм и национально-колониальный вопрос, М., 1938, стр. 4:

ного населения древневосточных держав содействовали перемешиванию племен и народов, создавали предпосылки для возникновения экономического и культурного единства эллинистических государств. В конце концов в Римской мировой империи создались условия для революционного перехода к новой, прогрессивной социально-экономической формации — к феодализму.

Очень жаль, что в книге нет историографии (если не считать четырех страниц «библиографии»). В вузовском курсе важно не только правильно изложить историю, но и показать, как развивалась историческая наука, ознакомить учащихся с различными школами и направлениями, научить их распознавать и отсекал буржуазно-классовые тенденции буржуазной историографии, разоблачать фашистскую фальсификацию истории. Военный разгром фашизма не снимает задачи искоренения остатков фашистской идеологии из ее последних убежищ. Это — весьма актуальная задача. Необходимо иметь в виду, что явные и тайные проводники гнусных фашистских идей действуют подчас довольно тонко, и тлетворному яду их пропаганды поддаются и такие буржуазные ученые, которые весьма далеки от фашизма и даже враждебны ему. Особенно «модны» в буржуазной историографии ни на чем не основанные теории о господстве индоевропейцев в ряде стран древнего Востока (митанни, хетты и др.). Необходимо также показать, что подлинно крупные немецкие ученые, как Эд. Мейер, проводят буржуазную, конечно, но антифашистскую концепцию истории древнего Востока.

Следующее издание курса акад. В. В. Струве должно быть резко заострено против расовой «теории», оно должно показать роль древних народов Востока — семитов, хамитов, яфетидов — в истории человеческой культуры.

Жаль, что в книге Струве лишь мимоходом упомянуто о неудачном походе Дария против скифов, отсутствует передаваемое Геродотом сообщение о гибели Кира в походе против племен массагетов в Средней Азии и другие эпизоды, рисующие успешное сопротивление свободолюбивых народов агрессии завоевателей.

Надо надеяться, что дальнейшие издания не только дадут учащимся богатый материал для правильного понимания истории Востока, но и вооружат их для борьбы с вредными, антинаучными теориями, для углубленной антифашистской пропаганды.

В книге имеются мелкие недосмотры и досадные опечатки. На стр. 336 Кир назван дедом Кира, основателя персидской державы, на стр. 368 последний назван правнуком первого (правильно первое). В хронологической таблице взятие Ниневии показано под 712 г., вместо 612 г. Здесь же указано: «Пин-ван, конец *Восточного Чжоу*. 722—221 *Западное Чжоу*»; должно быть наоборот.

Следовало бы кое-что уточнить в отношении хронологии. Как известно, для истории древнего Востока мы имеем очень мало абсолютных хронологических опорных пунктов. При датировке событий приходится пользоваться преимущественно относительной хронологией, синхронизмами, царскими списками, летописями. Ценность этих материалов иногда весьма проблематична, как показывает, в частности, библейская хронология. Естественно, что хронология древнего Востока спорна, существуют различные хронологические системы, которые непрерывно совершенствуются и уточняются. В последние годы выдвинуты новые хронологические теории, сдвигающие хронологию Двуречья, а также Крита и Египта на два столетия¹. Поэтому нельзя спорить против той хронологии, которая принята в новом издании книги акад. Струве. Но она не согласуется ни с хронологией первого издания, ни с хронологией, принятой в стабильном учебнике для средней школы. Это расхождение необходимо оговорить и объяснить.

Книга акад. В. В. Струве вызывает, как мы видели, много новых вопросов, толкает к новым исследованиям, в которых должны принять участие все историки-марксисты, занимающиеся древним Востоком. Она несомненно является полезным учебным пособием и может послужить основой вполне доброкачественного учебника для студентов исторических факультетов.

А. Ранович

¹ См. BASOR 88, dec. 1942; AJA, 1945.